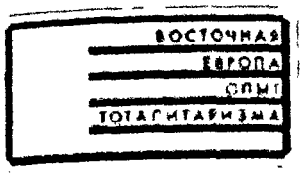
ВОСТОЧНАЯ
ЕВРОПА
ОПЫТ
ТОТАЛИТАРИЗМА

ДЁРДЬ КОНРАД

Соучастник

роман

Перевод с венгерского
Ю. П. Гусева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ББК 84.4
К 64

Издание осуществлено при поддержке
The Translation Fund of the Hungarian Book Foundation

Данное издание выпущено в рамках проекта «Восточная Европа – опыт тоталитаризма. Зарубежная художественная литература XX века» Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия и Института «Открытое общество» – Будапешт

Конрад Дёрдь

К 64 Соучастник / Пер. с венг. Ю. П. Гусева. — М.: Языки славянской культуры, 2003. – 392 с.

ISBN 5-94457-081-4

Роман «Соучастник» Дёрдя Конрада, бывшего венгерского диссидента, ныне крупного общественного деятеля международного масштаба, посвящен осмыслению печальной участи интеллигенции, всерьез воспринявшей социалистическое учение, связавшей свою жизнь с воплощением этой утопии в реальность. Роман строится на венгерском материале, однако значение его гораздо шире. Книга будет интересна всякому, кто задумывается над уроками только что закончившегося XX века, над тем, какую стратегию должно выбрать для себя человечество, если оно еще не махнуло рукой на свое будущее.

84.4

Конрад Дёрдь
СОУЧАСТНИК

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление переплета
М. Михальчука и Ю. Саевича

Корректор О. Чичварина

Подписано в печать 6.12.2002. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,5. Заказ № 2539.

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail:Lrs-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ http://www.lrc-mik.narod.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП ордена «Знак Почета» Смоленской областной типографии им. В. И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-94457-081-4
9 785944 570819

© Ю. П. Гусев, перевод на рус. яз., 2002

Содержание

Роман «Соучастник» – глазами переводчика (Ю. Гусев).....*6*

Клиника.....9

Семья.....73

Война.....137

Политика.....211

Прощание.....326

Роман «Соучастник» – глазами переводчика

Герой этой книги – интеллигент. Представитель того общественного слоя, который в массовом сознании ассоциируется со спокойной, размеренной жизнью, работой за письменным столом, размышлениями над всякими умными вещами, обогащением духовной культуры человечества.

Возможно, в благополучных странах, в благополучные времена оно так и есть. Вот только в нашем регионе, Восточной Европе, благополучных стран нет, благополучные времена тоже как-то не спешат вспоминаться. И интеллигенция здесь, при всем огромном духовном потенциале, которым она обладает, при всей ее выдающейся роли в развитии мировой культуры (взгляните хоть на историю авангарда: ведь он, даже на Западе, в основном «сделан» выходцами с периферии, прежде всего из Восточной Европы), – это самый потерянный, самый несчастный класс. С одной стороны, она, интеллигенция, вырабатывает идеологию революций, с другой – любая революция именно их, «очкариков», в первую очередь ставит к стенке, уничтожает едва ли не с большей жестокостью и ненавистью, чем классовых врагов. С одной стороны, любой рабочий и крестьянин мечтает о том, чтобы его дети получили образование, не занимались грязной и тяжелой физической работой; с другой стороны, интеллигенты в массовом мнении – дармоеды, щелкоперы и т. п.

Соучастник чего – герой Д. Конрада?

Можно ответить и так: соучастник преступления. Или (что, увы, практически то же самое) – соучастник истории. Истории XX века. Ведь беда интеллигенции в том, что лучшая ее часть – люди общественно активные, болеющие за свой народ, за свою страну, за человечество, наконец. Поэтому они всегда оказываются в первых

шеренгах тех сил, которые обещают устроить рай на земле. А поскольку рай на земле, видимо, в принципе невозможен, они же и страдают первыми, когда логика истории (то, что называют «колесо истории») вдавливает их, очками, умными высокими лбами, в кровавую грязь.

На собственном опыте, на собственной шкуре испытав все это, герой Конрада (некто, обозначенный инициалом Т., что лишь подчеркивает – как у Кафки – его собирательность) уходит от общества, от всяких форм **соучастия** – в сумасшедший дом.

«Весь мир – театр, а люди в нем – актеры», – написал в свое время Шекспир, с грустью убедившись, что человек готов играть любую, даже самую неприглядную роль, лишь бы не быть самим собой. Со времен Шекспира мир не только не стал лучше, разумнее, человечнее: он утратил даже сходство с театром – учреждением, в общем-то имеющим отношение к духовности. Конрад избирает другую метафору: сумасшедший дом. По логике художественной мысли, во всеобщем разгуле безумия самое разумное, самое человечное место – психиатрическая клиника, где ты оказываешься среди добрых идиотов и безобидных, или, во всяком случае, честных маньяков и шизофреников, где ты со спокойной совестью можешь оставаться самим собой, где царят естественные, исконно мудрые – почти в духе руссоистской утопии, но лишенные всякого утопизма – законы человеческого общежития.

Активное участие в истории, серьезное отношение ко всякого рода идеологиям – путь к саморазрушению личности. Герой книги в последний момент нашел способ спасти себя, отпрыгнуть в сторону. Его младший брат – не успел, не сумел сделать этого; для него выхода нет.

С сочувствием ли, с пониманием ли воспримет читатель тот способ спасения, который показан здесь Конрадом, – зависит от читателя, от его характера, жизненного опыта, условий жизни. Но, мне кажется, с метафорой «мир – сумасшедший дом» не согласиться просто невозможно.

Ю. Гусев

Эта книга – не автобиография, а плод фантазии. Дань почтения старшим моим друзьям, с которыми история обошлась более жестоко, чем с моим поколением. Именно эта разница в возрасте дала мне возможность описать их тернистый путь. Примите мою благодарность, все, кто в том или ином эпизоде книги узнает себя или события, о которых вы мне рассказывали.

Клиника

1

Целый день я веду нескончаемые беседы с призраками, всплывающими в сознании; мгновения прошлого взбухают и лопаются, как восковые ячейки в центрифуге при откачивании меда из сот. Хлам бредовых видений расползается, заполняя меня; это целая маленькая вселенная. Смиренный путник, я оказываюсь то в одном саду, то в другом, меня швыряет из постели в постель, из одного тела в другое. С младшим братом, Дани, мы стоим в кузове грузовика, пыльный ветер сотрясает ветви платанов, рядом, у наших ног, сидит наш дед в белом саване, монотонно умоляет нас бросить оружие. Брат поднимает над головой свой автомат и выстреливает весь магазин в воздух. Мы, заговорщики, сидим в лесу на поляне. Я не знаю, чего мы хотим, и гадаю, сколько лет могут нам дать и кто из нас — осведомитель. Я едва узнаю брата: на голове у него — светлый парик, он пятится от меня, мягко ступая по прошлогодней листве. Я иду за ним через редковатую тополиную рощу; он, закрыв глаза, лежит на широкой лавке в бревенчатой хижине, я отодвигаю его к стене, чтобы лечь рядом, он пытается столкнуть меня на пол, мы устали от долгой борьбы, он показывает на потолок: там — огромный циферблат, стрелки на нем вращаются с головокружительной скоростью. В одних носках я шагаю по тюремному коридору, меня ведут к начальнику. «Не могу привыкнуть к мысли, что я за решеткой»,— говорю я. Он кладет руку мне на плечо: «Глупый юноша, поймите же наконец: вы здесь — в храме разума!» Я оттибаю прутья решетки в окне камеры, пол весь в блевотине, за спиной у меня старик, он плачет, просит, чтобы я взял его с собой. Взвалив его неудобное, рыхлое тело на спину, я плыву куда-то в зеленой стоячей воде. Я бы рад избавиться от него, но наши с ним шеи туго связаны мокрой верев-

кой. «Тихо, тихо, сынок, не спеши!» – говорит отец; из его густой бороды поднимаются пузырьки воздуха. «Сделай же что-нибудь,– кричу я ему,– ты ведь раввин все-таки!» «А, какой из меня раввин,– отвечает он безнадежно,– если я все десять заповедей преступил». Мы едем с матушкой в поезде, багажная сетка над головой завалена пакетами и пакетиками, напротив сидит офицер, матушка подтягивает повыше краешек красного платья на красивой коленке. Входит однорукий ревизор, кладет на сиденье фонарик, компостер, вонючей ладонью зажимает мне рот. Я пронзительно визжу, матушка издает воркующе-стонущие звуки. «Утихомирь своего щенка!» – тяжело дышит ревизор. Офицер расстегивает кобуру и, опустив окно, стреляет в ворон на телеграфных столбах. В вагоне-ресторане я даю сеанс одновременной игры толстоногим и толстозадым тюремщикам: еще один неверный ход, и меня отправят на виселицу. Приходит жена, она была моим последним желанием; она примеряет на узел белокурых волос шляпки с широкими полями, требует, чтобы я сказал, какая идет ей больше всего. «Меня повесят»,– говорю я непримиримо. «Да не думай ты о такой ерунде, глупенький»,– говорит она, и ее большие полные губы тянутся к моему лицу. Поезд вкатывается под стеклянную крышу обнесенного решеткой вокзала, служащие здесь – сплошь зэки. Арестант приносит мне чистую рубашку, я ищу на ней тюремный штамп. Меня фотографируют, кладут под пальцы подушечку с черной краской. «Лобковые вши имеются?» – звучит вопрос. В рубахе без воротника, длинных подштанниках, башмаках без шнурков я шагаю по коридору. «Тебя в зале для некурящих будут кончать»,– доверительно шепчет мне оказавшийся рядом зэк. «Почему для некурящих?» – встревоженно спрашиваю я. «В другом зале – прием правительственный. Красный ковер видишь?» Я прихожу куда-то, вокруг – стены в пятнах грязно-зеленого мха, в ржавых потеках; в пустых проемах стоя мочатся женщины, лица у них в синяках. Меня ведут сквозь строй, по спине хлестко бьют шомпола, я тороплюсь, хотя никто меня не торопит, и, выбив раму окна, прыгаю в пустоту; над брусчаткой двора натянута проволочная сетка, она, пружиня, подбрасывает меня. Я сижу на длинной скамье, рядом со мной –надзиратель с румянцем во всю щеку, дальше кто-то бледный, в штатской одежде, потом еще один краснорожий надзиратель, и снова бледный